

Omaggio a Dmitrij Aleksandrovič Prigov con uno scritto e due disegni inediti

A cura di S. Burini, A. Niero e G.P. Piretto

◇ eSamizdat 2007 (V) 3, pp. 7-12 ◇

NATURA MORTA CON MUCCA

TRE “frammenti prigoviani” (tutti risalenti al 1998) – un testo inedito (*Natjurmorty*), un disegno autografo (una mucca) e un video registrato amatorialmente (Università di Genova, <<http://www.esamizdat.it/video/daprigov.htm>>) – accompagnano il nostro omaggio a Dmitrij Prigov, improvvisamente e prematuramente scomparso il 17 luglio scorso.

Abbiamo avuto modo di conoscere personalmente questo poeta-performer-artista, uno dei padri del cosiddetto “concettualismo moscovita”, di vederlo in azione in tutte e tre le sue ipostasi e di stringere un rapporto di amicizia che risale almeno al 1996, quando Dmitrij Aleksandrovič Prigov fece una delle sue installazioni nella “intrepida” Lecco (dell’evento rimane un introvabile catalogo rivestito di carta da giornale ormai sbrindellata. . .)

La simpatia istintiva scoccata allora fu foriera di altri incontri, in particolare la settimana che Dmitrij Aleksandrovič, su invito di Silvia, trascorse a Bergamo (seconda metà di agosto 1998) come *visiting poet* durante una delle annuali edizioni del Seminario internazionale di lingua russa: letture di poesia (da solo o in compagnia di Alessandro, a cui venne appioppata l’etichetta, se il diretto interessato non ricorda male, di poeta “lirico” o “tradizionale”); incontri con gli studenti che, tra il divertito e l’imbarazzato, seguivano le esibizioni “multimediali” di Prigov; scaltre e provocatorie lezioni sul concettualismo; cene più o meno luculliane in posti più o meno ruspanti, come il Circolino di Bergamo alta, da cui una nuova accezione del verbo *circulirovat’* [trovarsi al Circolino] (ma niente vino o vodka: per Dmitrij Aleksandrovič solo birra); interpretazioni canore sotto pergolati insieme al poeta russo-americano Eugene Ostashevsky e ad Aleksandr Danilevskij (docente di letteratura all’Università di Tartu)... E altre cose smarrite nella nebbia del tempo.

Le prime, timide traduzioni di Alessandro di “liriche” prigoviane apparse nel 1998 per l’almanacco *Si scrive* (altre, un po’ meno timide, troveranno posto nel 2005 nella storica rivista *In forma di parole* di Gianni Scalia).

Poi, ancora, all’Università di Genova: Prigov venne invitato da Silvia per una lezione-lettura in presenza di Maria Luisa Doderò, degli studenti e, inaspettatamente, di alcuni arabi che stazionavano nella zona della Facoltà di lingue, attratti dalla lettura prigoviana dall’*Evgenij Onegin* con modulazioni da muezzin.

E incontri a Budapest e a Mosca con Silvia, ricchi di discussioni franche ma condite di ironia, la stessa che, dopo l’ennesima discettazione sul nesso fra pittura e letteratura, si ritrova nello scherzoso incipit delle *Nature morte*, testo regalato a Silvia e accompagnato dal disegno di una mucca. . .

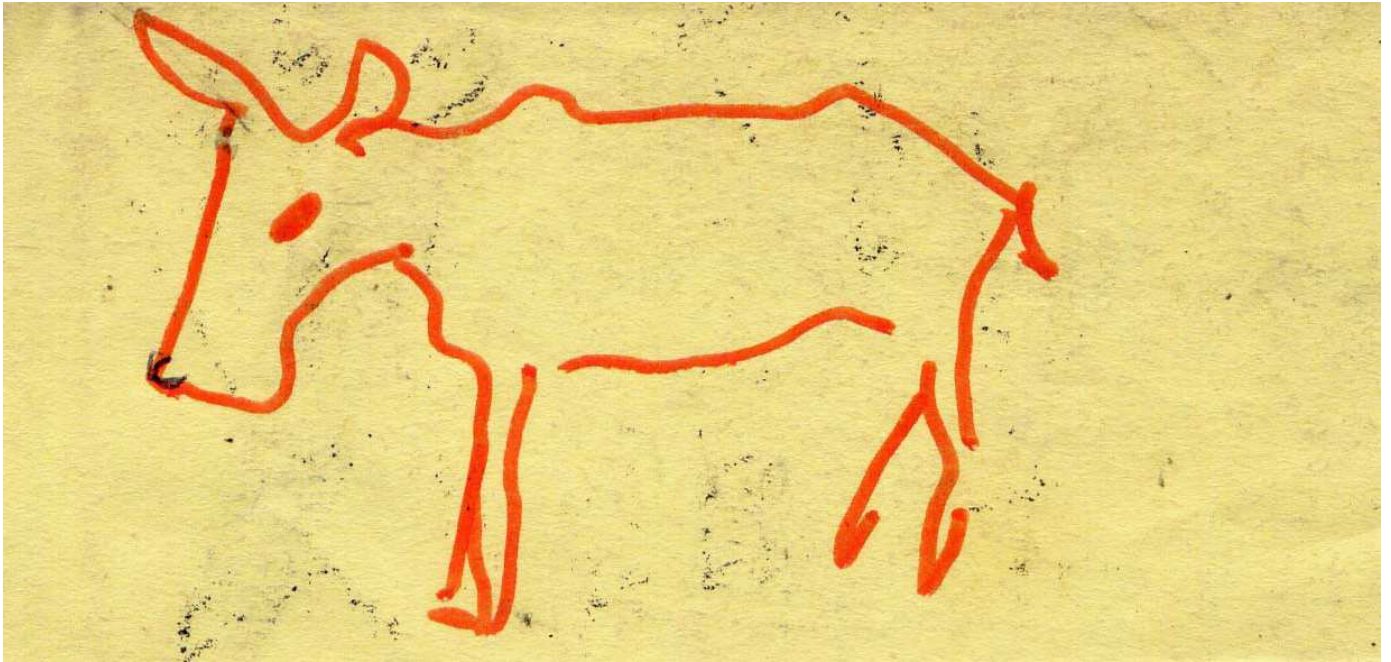
Altro incontro: Sassari, maggio 2001, convegno *Il problema del multiculturalismo* (sottotitolo: Prigovskie čtenija), di cui sono in uscita gli atti. Tanto freddo sole e tanto pesce, ma anche una disponibilità non comune (ricordiamo Dmitrij Aleksandrovič seduto diligentemente ad ascoltare anche interventi tutt’altro che vicini alla sua indole dissacratoria).

Qualche altra fugace apparizione-incontro a Milano con Silvia.

Infine Venezia, qualche giorno a casa nostra in occasione di alcune *performances* a Ca’ Foscari. E l’immagine di un Prigov notturno, che alla luce di una lampada disegnava fino alle quattro del mattino, come era sua abitudine.

Una piccola, affettuosa collezione di ricordi, con un solo rammarico: che Dmitrij Aleksandrovič non abbia fatto in tempo a conoscere nostra figlia Beatrice, alla cui nascita, però, ha dedicato una tenerissima e-mail. Erano i primi di dicembre del 2004.

S. Burini & A. Niero

НАТЮРМОРТЫ

Предуведомление

Вот Сильвия Бурины говорит:

Натюрморт! Натюрморт! А что такое он есть – натюрморт. Известно что – натура мертвая. А что мертвит натуру? Известно что – натуру мертвит всякое ее рассматривание, квалицирование, каталогизирование, ранжирование, иерархизирование, таксономирование и пр. Натуру это мертвит, зато – ой как! – живет разум. То есть разум в его как бы вурдалачьей сущности. И вот он задумывает как бы это все сделать натюрмортом. А то ведь одно схватишь – оно вроде мертвое. А чуть отпустил – оно глазки открывает и наутек. Нет, чтоб все нужное было рядом постоянно. Да и ненужное чтобы в сторонке лежало приуготовленное: в случае чего, хватать его – и в натюрморт.

Для натюрморта требуется – капуста, морковка, связка лучку, глиняная кринка, деревянный стол, может, лапти там, или деревянный башмак, может, хлеб черный, отломанный, может свечечка там

Не требуется – советская власть, Деррида, поспешность, абсолютный слух, глубокое дыхание, блузка от Версаччи, а вот перчатка может и пригодиться

Для натюрморта требуется – стакан, бутылка, бусы янтарные, вилка, ложка, желательна серебряная, смятая салфетка, голодная кошка, лапой тянущаяся стянуть с покрытого несвежей белой скатертью стола какой-то огрызок, в дальней комнате через приоткрытую дверь вид чьего-то силуэта в толстом халате

Не требуется – попреки, обманы, глубокие затяжки табаком, упоминание детских имен, одеколон, правда, вот может вполне потребоваться глоток чего-то горячительного

Для натюрморта требуется – пожелтевшая книга, светильник, сумеречное освещение, череп, вспыхивающая в глубине на фоне черноты пугающая надпись, почерневшее распятие, сломанный цветок, дальние раскаты грома

Не требуется – диплом об окончании высшего учебного заведения, знание расписания пригородных поездов, умение подавать на стол, визионерство, добродетель, виза не выезд в Китай, а вот косоглазие вполне даже может и пригодиться

Для натюрморта требуется – мандалина, флейта, кисть винограда, небрежно брошенные на стол кружева, трость с резным набалдашником, цветы, распахнутое окно, нежные голоса за окном и свежий ветер, долетевший от неаполитанского залива, едва различимое любовное пение кастрата

Не требуется – Геббельс, законы пищеварения, закон Бойля-Мариотта, двуспальная кровать, гетеросексуализм, билеты на самолет, отрез панбархата, а вот настороженность и неприкаянность могут вполне и пригодиться

Для натюрморта требуется – шпага, кераса, шлем с плюмажем, шелковый с золотой обшивкой красный пояс, начищенные до блеска сапоги, двузарядный пистолет, подкрученные усы, план фортификаций, ядро, муфта дамы, быстрое перекидывание взглядами, блестящие в азарте глаза, доносящиеся раскаты оружейных залпов, стоны раненых и клубы дыма, заползающие в брезентовую палатку, отсчитывание последних минут жизни на залитом кровью оружейном лафете

Не требуется – практически, ничего иного: ни запах миндаля, ни точность бритвы Оккама, ни старый гардеробщик в доме литераторов, ни стиральная машина, ни возглас космонавта, увидевшего обратную сторону луны: Они уже здесь! – ни ускоренная индустриализация, ни пятый сталинский удар, ни завистливые замечания подруг при виде одной из них в подвенечном платье, ни сплетни, ни убранство территории, а вот сдерживаемый клекот торжества может и пригодиться

Для натюрморта требуется – перламутровые раковины, жемчуга, рассыпанные по розовой скатерти, нечто неопределенное шелковое и лиловое, мерцающий полочищенный лимон со скрученной спиралью золотистой шкуркой, дышащая роза, да именно дышащая, мелодичный перезвон часов, храп в соседней комнате

Не требуется – моральная оценка, идеологическая выдержанность, память о Вергилии, стремительность походки, добропорядочность, а вот золотые монеты в кармане вполне могут даже и понадобиться

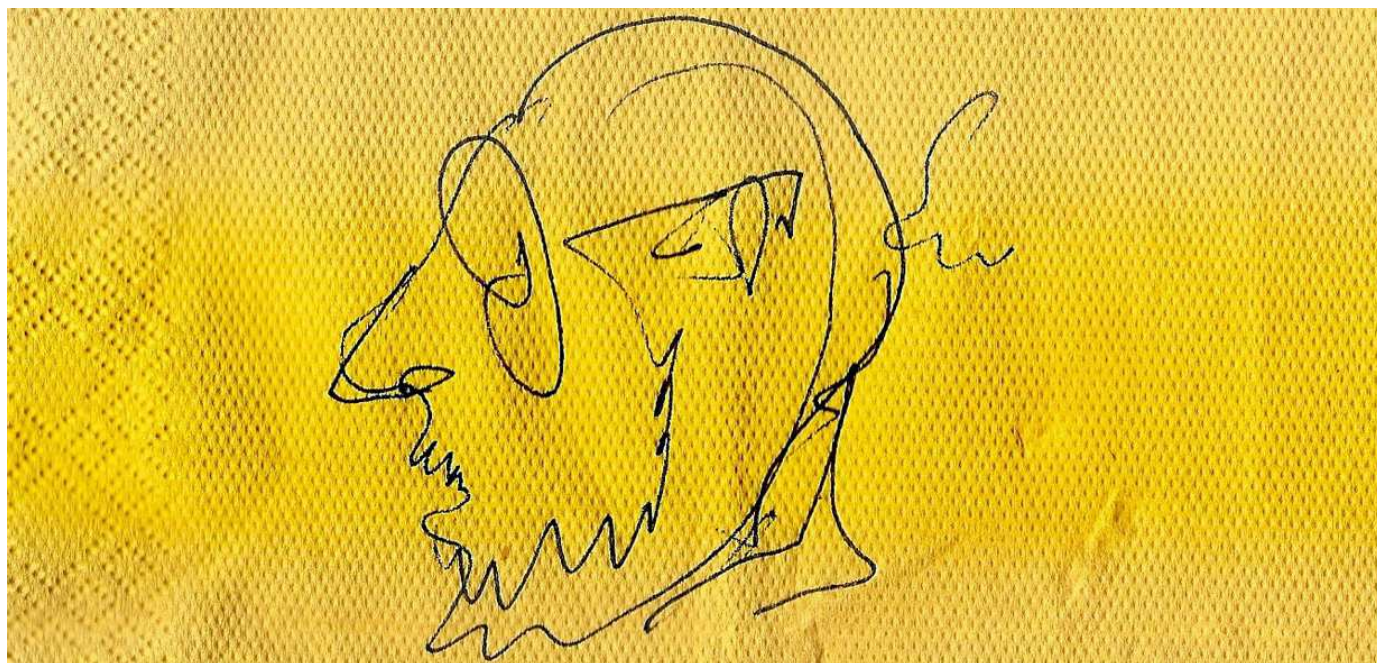
Для натюрморта требуется – колбы, реторты, самогонный аппарат, теодолит, астролябия, всяческие переходники и резиновые трубки, скелет, книга по анатомии, благородный вид анатома, запах формалина из ванной, полной плавающих трупов, холодный зимний ветер от Антверпенской гавани, поскрипывание старых мачт и хлопанье приспущенных парусов

Не требуется – кодекс Наполеона, виртуальность и симулякры, падение курса доллара, папские энциклики, умение держать удар, а вот долгий световой день может и потребоваться

Для натюрморта требуется – кисть правой руки, блестящие, еще дышащие теплом вынутые почки, бутылочки с уксусом, левый глаз на фарфоровой тарелочке, ухо на острие искривленного ножа, одна бусинка зеленоватая и неровная, прядь волос с сектором ссохшейся кожи, кровоподтеки на внутренней стороне, что-то густое, гладкое пупырчатое, неуместившееся в металлическом сосуде и желеобразно вытекшее на скатерть, возможно – это женская грудь, возможно и мужские легкие и, конечно, точное понимание совершивших это, находящихся неподалеку, возможно, дальний лай

Не требуется – катастрофичность сознания, репертуар на июль Большого театра, объем двигателя, интеллектуальная изощренность парижской штучки, попытки Хосимота удержать от кризиса японскую экономику, новый мировой рекорд в плавании, а вот шестипалость может и пригодиться

Для натюрморта требуется – советская власть, попреки и обманы, диплом об окончании высшего заведения, Геббельс и законы пищеварения, запах миндаля и точность бритвы Оккама, моральная чистота и идеологическая выдержанность; кодекс Наполеона, катастрофическое сознание, ну еще, пожалуй, блузка от Версаччи, ну, может, упоминание детских имен, ну, может, добродетель, билеты на поезд, орехи и цыплята, ну, может, усилия Хосимота удержать от кризиса японскую экономику, усилия Ельцина удержать от кризиса русскую экономику, усилия Коля удержать от кризиса немецкую экономику, усилия Ширака и Клинтона удержать от кризиса французскую и американскую экономику соответственно, усилия самой экономики, политики, нравственности, духовности, этики, эстетики, экзистенции и просто жизни удержаться от кризиса

COSÌ firmava le sue mail. Di tanto in tanto, laconiche e improvvise, arrivavano da Mosca, da Londra, da Berlino, dagli Stati Uniti. Chiedeva notizie, segnalava novità, trasmetteva saluti da uno o dall'altro collega-amico comune. E poi arrivava in persona. Da qualcuno di quegli arrivi estrapolo momenti di ricordo per mandargli un saluto, ora che l'e-mail non basta più.

A Gargnano del Garda, il primo maggio del 1997, durante un seminario di letteratura russa contemporanea per laureandi dell'Università di Milano, assieme a Svetlana Boym organizzò la stilizzazione-decostruzione di una parata sovietica per la festa dei lavoratori, con tanto di arringa modellata sul più puro *diskurs* sovietico, pronunciata agli studenti radunati in giardino dal terrazzo che si affaccia sul lago, con grande interesse e stupore dei passeggeri dei battelli che lo solcavano. Come sempre e dovunque, passava la notte lavorando e aveva chiesto di poter fare "lezione" nel pomeriggio per poter dormire la mattina. Talvolta si alzava comunque presto e faceva lunghissime passeggiate lungo il lago da cui tornava contento per le chiacchierate che faceva, chissà in quale lingua (russo, *gramelot* italiano, dialetto bresciano?), con la gente del posto.

All'Associazione Italia-Russia di Milano, non ricordo in occasione di quale delle sue svariate *performance* tenute in quella sede, mi coinvolse in uno scherzo da giocare al pubblico. Mi disse che lo aveva sperimentato in non so quale università statunitense e che aveva dato ottimi risultati. Lui avrebbe iniziato le sue letture dell'*Onegin* modulando il testo come un muezzin. Io avrei dovuto, dopo la consueta presentazione-introduzione-spiegazione, iper-recitare il ruolo di me stesso. Cioè di un professore di letteratura russa, canonico e paludato, che si indignava di fronte a quella profanazione e cercava di interrompere la scandalosa lettura dando in escandescenze. Quelli tra il pubblico che mi conoscevano meglio saranno stati inizialmente perplessi dalla mia reazione. È noto che non mi annovero tra i più grandi ammiratori del poeta nazionale russo e che apprezzo, quando intelligenti, anche le provocazioni. Ma la recita funzionò. I bambini, allora poco più che decenni, di Elena Kostjukovič si rivolsero turbati alla madre dicendo: "Gian Piero obidelsja". Quando il trucco fu svelato non tutti apprezzarono la trovata. Anche chi, abituato alle performance di Dmitrij Aleksandrovič, aveva in passato riso e dimostrato di gradire i suoi "eccessi fonico-poetici" (*eto kitajskoe*,

eto kitajskoe, eto kitajskoe) si rivelò impreparato a una burla trasgressiva, dimostrando di essere convinto che un poeta (e non mi riferisco solo al dileggiato Puškin) non si debba permettere burle o irrisioni. La prova di eccezionale auto ironia sots-art/concettualistica offerta dall'artista in quella circostanza fu tra le più straordinarie a cui io abbia assistito e gli sarò eternamente grato per avermici coinvolto.

Concludo con il ricordo di una serata a cui è legata l'immagine qui riportata. Il 9 dicembre 2004, sempre per gli studenti dell'Università di Milano, organizzai una performance, aperta però a chiunque fosse interessato, e DAP di ammiratori a Milano ne aveva parecchi, in un'enoteca, il Context Wine Lounge. Prigov non beveva vino, ma era l'atmosfera extra universitaria ed extra accademica che mi importava di verificare. L'esito delle sue letture fu il consueto: anche i clienti avventizi che di russo non capivano una parola furono attratti dalla straordinaria vocalità e capacità di comunicare di quel grande personaggio e, silenziosi e attenti, si unirono al gruppo dei convenuti. Nell'intervallo tra una lettura e una birra, quella la beveva anche lui, schizzò su un tovagliolo giallo e vagamente unto da *zakuski* che circolavano in onor suo un autoritratto e me ne fece dono. Mi pare che si addica egregiamente al ricordo di Dmitrij Prigov: come lui spontaneo, essenziale, semplice ma eloquente.

Novembre 2007